

·the big book·

ΔΙΗ
ΚΥΗЦ

КРАЕМ ГЛАЗА
•
ИССТУПЛЕНИЕ
СКОРОСТЬ
•
ТИХИЙ УГОЛОК
•
ТЕМНЫЕ РЕКИ СЕРДЦА
•
ФАНТОМЫ

ДИН КУНЦ

Ф А Н Т О М Ы

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
К 91

Dean Koontz
PHANTOMS

Copyright © 1983 by Dean R. Koontz

This edition published by arrangement with **InkWell Management LLC**
and Synopsis Literary Agency.
All rights reserved

Перевод с английского Николая Косолапова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-15918-1

© Н. А. Косолапов, перевод, 2019
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

*Эта книга посвящается той, которая всегда рядом,
той, которая все принимает близко к сердцу,
той, которая все понимает,
той, подобной которой не существует:
Герде,
моей жене и моему лучшему другу*

ЧАСТЬ I

ЖЕРТВЫ

Объял меня ужас и трепет и потряс все кости мои.

Книга Иова, 4: 14

Цивилизованный человеческий дух... не в состоянии избавиться от ощущения, что в мире существует нечто сверхъестественное.

Томас Манн. Доктор Фаустус

Глава 1

В ПОЛИЦЕЙСКОМ УЧАСТКЕ

Где-то в отдалении раздался и мгновенно стих пронзительный вопль. Кричала женщина.

Пол Хендерсон, помощник шерифа, оторвался от журнала «Тайм» и насторожился, прислушиваясь.

В лучах солнца, настолько ярких, что казалось, они пронзают саму раму окна, медленно кружились пылинки. Тонкая красная секундная стрелка настенных часов беззвучно скользила по циферблату.

Единственным звуком в комнате был скрип кресла под Хендерсоном, когда он слегка изменил позу.

Сквозь большие окна фасадной стены участка Хендерсону была видна часть Скайлайн-роуд, главной улицы Сноуфилда. В этот послеполуденный час, под золотыми лучами солнца, улица была совершенно пустынной и спокойной. Лишь трепетали листья и слегка раскачивались ветви деревьев под легкими дуновениями ветра.

Какое-то время Хендерсон старательно прислушивался, пока наконец сам не засомневался, не померещился ли ему этот крик.

«Воображение разыгралось, — решил он. — Мне просто хочется, чтобы хоть что-нибудь произошло».

Ему действительно почти хотелось, чтобы это и в самом деле оказался чей-то крик. Его неугомонная, деятельная натура испытывала сейчас какое-то тревожное беспокойство.

В межсезонье, с апреля и до конца сентября, он был единственным полицейским, постоянно приписанным к участку в Сноуфилде, и это была не служба, а тоска. Зимой, когда

в городок съезжались несколько тысяч лыжников, приходилось возиться с пьяными, разнимать драки, расследовать кражи из номеров в гостиницах, пансионатах и мотелях, где останавливались отдыхающие. Но сейчас, в начале сентября, работали только два небольших мотеля, охотничий домик и гостиница «При свечах». Местные жители были людьми спокойными, и Хендерсон, которому было всего двадцать четыре и который дослуживал лишь самый первый год в должности помощника шерифа, помирал от скуки.

Он вздохнул, взглянул на лежавший перед ним на столе журнал — и снова услышал вопль. Как и в первый раз, кричали где-то далеко, и звук мгновенно оборвался, но на этот раз вроде бы кричал мужчина. Это был не возглас восторга и даже не крик о помощи; это был вопль ужаса.

Нахмурившись, Хендерсон встал и направился к двери, поправляя на ходу кобуру с револьвером, висевшую на правом бедре. Он миновал открывающуюся в обе стороны дверь в ограждении, отделяющем «стойло» — внутреннюю часть участка — от предбанника для посторонних, и уже почти дошел до выхода, как вдруг услышал позади себя какое-то движение.

Этого просто не могло быть. Весь день он просидел в участке в полном одиночестве. В трех камерах, расположенных в тыльной части здания, арестованных не было уже больше недели. Задняя дверь была заперта, других входов в участок не было.

Однако, обернувшись, Хендерсон обнаружил, что он здесь уже действительно не один. И вся обуревавшая его скука исчезла в мгновение ока.

Глава 2

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

В предзакатный час того воскресного дня, в самом начале сентября, горы были окрашены лишь в два цвета: зеленый и синий. Сосны и ели выглядели так, словно были сделаны

из сукна, каким покрывают бильярдные столы. И повсюду лежали холодные голубые и синие тени, с каждой минутой становившиеся все длиннее, все темнее, приобретающие все более глубокий оттенок.

Сидя за рулем своего «понтиака», Дженнифер Пэйдж радостно и беззаботно улыбалась при виде красоты этих гор и в предвкушении возвращения домой. Она искренне любила эти края и душой всегда была здесь.

Она свернула с трехполосной магистрали, дороги штата, на местное, покрытое черным асфальтом, узкое шоссе. Еще четыре мили непрерывных поворотов, подъем к перевалу — и они будут в Сноуфилде.

— Мне здесь так нравится! — проговорила сидевшая рядом ее сестра, четырнадцатилетняя Лиза.

— Мне тоже.

— А снег когда будет?

— Через месяц. Может быть, раньше.

Деревья подступили почти вплотную к дороге. «Понтиак» въехал в тоннель, который образовывали смыкавшиеся над асфальтом кроны деревьев, и Дженни включила фары.

— Я никогда не видела снег. Только на картинках, — сказала Лиза.

— К следующей весне он успеет тебе надоесть.

— Только не мне. Никогда. Я всегда мечтала жить в таких краях, где бывает снег. Как ты.

Дженни искоса посмотрела на девочку. Даже для сестер они были поразительно похожи друг на друга: одинаковые зеленые глаза, одинаковые рыжеватые волосы, одинаково высокие скулы.

— Научишь меня кататься на лыжах? — спросила Лиза.

— Ну, голубушка, когда сюда съезжаются лыжники, бывает обычно масса сломанных ног, растянутых мышц, поврежденных спин, порванных связок... Я тогда занята по горло.

— Да-а-а... — протянула Лиза, не в силах скрыть свое разочарование.

— А потом, зачем учиться у меня, если ты можешь брать уроки у настоящего профессионала?

— У профессионала? — Лицо Лизы немного просветлело.

— Конечно. Если я попрошу, Хэнк Андерсон тебя научит.

— А кто он такой?

— Владелец охотничьего домика, который называется «Сосновая гора». И он инструктор по горным лыжам. Но учит только очень немногих, тех, кто ему нравится.

— Он твой парень?

Дженни улыбнулась, вспомнив, какой была сама, когда ей было четырнадцать лет. В этом возрасте большинство девочек одержимы мальчиками, прежде всего мальчиками, и ничем больше.

— Нет, Хэнк не мой парень. Я его знаю уже два года, с тех самых пор, как приехала в Сноуфилд. Но мы просто хорошие друзья.

Они проехали мимо зеленого щита, на котором белыми буквами было написано: «ДО СНОУФИЛДА — 3 МИЛИ».

— На спор: здесь наверняка будет много ребят что надо моего возраста.

— Сноуфилд не очень большой городок, — предупредила сестру Дженни. — Но, думаю, пару хороших ребят ты здесь найдешь.

— Во время лыжного сезона их тут, должно быть, десятки!

— Господи, малышка! Не станешь же ты встречаться с приезжими! По крайней мере еще несколько лет тебе *это* нельзя.

— Почему *это*?

— Потому что я так сказала.

— Но почему нельзя?

— Прежде чем встречаться с каким-нибудь мальчиком, ты должна узнать, откуда он, из какой семьи, что собой представляет.

— Ну, я потрясно разбираюсь в людях! — заявила Лиза. — На мое первое впечатление всегда можно положиться целиком и полностью. Обо мне не беспокойся. Какой-нибудь маньяк-убийца или сумасшедший насильник меня не подцепит.

— Надеюсь, — ответила Дженни, притормаживая перед крутым поворотом, — но все-таки встречаться ты будешь только с местными ребятами.

Лиза вздохнула и покачала головой, подчеркнуто театрально изображая разочарование и чувство безысходности.

— Если ты не заметила, Дженни, то могу сказать: пока тебя не было, я уже вполне созрела и больше не ребенок.

— Это я заметила, не беспокойся.

Они проехали поворот. Впереди лежал прямой участок дороги, и Дженни снова нажала на газ.

— У меня уже даже сиськи есть, — похвасталась Лиза.

— На это я тоже обратила внимание, — ответила Дженни, решив не дать сестре вывести себя из равновесия ее подчеркнуто откровенными заявлениями.

— Я уже больше не ребенок.

— Но ты еще и не взрослая. Ты пока подросток.

— Я молодая женщина!

— Молодая? Да. Женщина? Еще нет.

— Ха!

— Послушай. По закону я твой опекун. Я несу за тебя ответственность. А кроме того, я твоя сестра и я тебя люблю. И я буду делать то, что, на мой взгляд, будет лучше для тебя же. Я уверена, что лучше.

Лиза демонстративно громко вздохнула.

— Потому что я тебя люблю, — повторила Дженни.

— Значит, ты будешь такая же придира, какой была мама, — бросив на сестру злой взгляд, проговорила Лиза.

— Может быть, даже строже, — согласно кивнула Дженни.

— Жуть!

Дженни искоса посмотрела на Лизу. Девочка глядела в боковое окно машины, и поэтому Дженни видела только ее профиль. Но все-таки по лицу не было заметно, чтобы Лиза сердилась по-настоящему. И губы у нее не были надуты, скорее уж они непроизвольно стремились растянуться в улыбке.

«Детям необходимы строгие правила, понимают они это сами или нет, — подумала Дженни. — Дисциплина — это выражение любви и заботы. Главная трудность в том, чтобы

не навязывать правила и дисциплину жесткими, грубыми методами».

Переводя взгляд снова на дорогу и немного разминая лежащие на руле руки, Дженни проговорила:

— Могу сказать, *что* я разрешу тебе делать.

— Что?

— Я разрешу тебе самой застегивать туфли.

— Ну да?! — Лиза подмигнула ей.

— Разрешу принимать ванну в любое время, когда тебе только захочется.

Не в силах больше выдерживать позу оскорбленного собственного достоинства, Лиза захихикала:

— А есть, если мне захочется, ты мне позволишь?

— Безусловно, — широко улыбнулась Дженни. — Я тебе позволю даже убирать за собой по утрам постель.

— Ах, какая вольница! — проговорила Лиза.

В этот момент девочка казалась даже еще младше, чем была на самом деле. В теннисных туфлях, джинсах и свободной, как носят на Западном побережье, блузке, не в силах сдержатъ смех, Лиза выглядела сейчас особенно милой, хрупкой, нежной и ужасно незащитной.

— Друзья? — спросила ее Дженни.

— Друзья.

Дженни была удивлена и обрадована той легкости, с которой она и Лиза общались друг с другом во время этой долгой поездки на север от Ньюпорт-Бич. Все-таки, несмотря на кровное родство, они были практически чужими людьми. Дженни была на семнадцать лет старше Лизы — ей уже исполнился тридцать один год. Она уехала из дома, когда Лизе не сравнялось еще и двух лет, за полгода до того, как умер их отец. На протяжении всего того времени, что она училась в медицинском колледже, а потом проходила практику в пресвитерианском госпитале при Колумбийском университете в Нью-Йорке, Дженни постоянно приходилось очень много работать, к тому же она была слишком далека от дома, чтобы более или менее регулярно видеться с матерью и Лизой. Потом, закончив обучение, она вернулась

в Калифорнию с намерением открыть собственный кабинет в Сноуфилде. В течение двух последних лет она трудилась изо всех сил, чтобы обзавестись надежной врачебной практикой в самом Сноуфилде и нескольких других таких же небольших городках, разбросанных в горах. Недавно умерла их мать, и только тогда Дженни пожалела о том, что у нее не сложились более близкие отношения с Лизой. Может быть, теперь, когда они остались вдвоем, они смогут как-то восполнить то, что было упущено в прошлом.

Узкая дорога шла на подъем, долина с ее тенями и полусумраком осталась уже позади, и, по мере того как «понтак» забирался все выше, сгущавшиеся сумерки вокруг машины как бы на время отступали.

— Такое ощущение, словно уши заложило ватой, — проговорила Лиза, широко зевая, чтобы компенсировать разницу в давлении.

Впереди был крутой поворот, и Дженни притормозила. Дальше, за поворотом, шел еще один длинный, взбирающийся вверх прямой отрезок, и в конце его узкое местное шоссе переходило в Скайлайн-роуд, главную улицу Сноуфилда.

Лиза с жадным любопытством всматривалась вперед, через испещренное полосами от разбившихся насекомых ветровое стекло. Городок явно произвел на нее впечатление.

— Это вовсе не то, что я ожидала!

— А что ты ожидала?

— Ну, знаешь, что-нибудь вроде скопления безобразных мотелей с неоновыми вывесками, массу бензоколонок, нечто в этом роде. А тут так симпатично!

— У нас очень жесткие правила застройки, — сказала Дженни. — Неоновые вывески запрещены. Пластмассовые щиты и знаки тоже. Никаких кричащих цветов, никаких кафе, которые были бы выстроены в форме кофейника.

— Тут здорово, — сказала Лиза, глаза с любопытством по сторонам, пока они медленно ехали по городу.

Вся уличная реклама ограничивалась лишь грубо обструганными, выдержанными в деревенском стиле досками, на

которых было написано название заведения и то, чем оно занимается. Архитектура была несколько эклектичной — можно было видеть дома, выстроенные в норвежском, швейцарском, баварском, франко-альпийском и итало-альпийском стилях, — но каждое здание было выдержано в стиле, принятом в той или иной горной местности. Широко использовались самые разные строительные материалы и приемы отделки: камень и кирпич, дерево и шифер, проолифенные или искусственно состаренные брусья и доски, цветное и затемненное стекло, оконные рамы с разнообразными вычурными переплетами. Жилые дома, выстроившиеся вдоль дальнего конца Скайлайн-роуд, выставляли напоказ цветочные ящики под окнами, балконы и парадные крылечки с перилами, под которыми красовались причудливые решетки.

— Очень красиво, — сказала Лиза. Они ехали в гору, в сторону лыжных подъемников, что были установлены в противоположной от въезда части города. — А тут всегда так тихо?

— Ну нет, — ответила Дженни. — Зимой тут бывает очень оживленно и...

Она не закончила фразу, внезапно поняв, что городок выглядит не просто тихим, но мертвым.

Обычно в сентябрьское воскресенье, после обеда, когда на улице тепло и сухо, кто-нибудь из местных жителей обязательно прогуливался бы по вымощенным булыжником тротуарам, кто-нибудь сидел бы на крыльце дома или на одном из балконов, что выходили на Скайлайн-роуд. Приближалась зима, и горожане очень ценили эти последние погожие деньки. Сегодня же, хотя вечер еще только начинался, на балконах, тротуарах, возле домов не было ни одного человека. Даже в тех домах и магазинах, где горел свет, не было никаких признаков жизни. Единственной машиной, движущейся по довольно длинной улице, был «понтиак» Дженни.

Она затормозила перед знаком «Стоп» возле первого перекрестка. Здесь Скайлайн-роуд пересекала Сент-Мориц-уэй,

которая шла на три квартала к востоку и на четыре к западу от главной улицы. Дженни посмотрела в обе стороны, но и там никого не было видно.

Следующий квартал вдоль Скайлайн-роуд был тоже совершенно пустынен. Тот, что за ним, — тоже.

— Странно, — сказала Дженни.

— Наверное, по телевизору показывают что-нибудь потрясное, — проговорила Лиза.

— Наверное.

Они миновали «Горный вид», стоящий на углу Скайлайн-роуд и Вейл-лейн. В ресторане горел свет, но внутри — это было отлично видно сквозь большие окна — не было ни души. Местные жители любили заглядывать в «Горный вид» и зимой, и в межсезонье, и потому было очень необычно, чтобы в такое время дня ресторан стоял совершенно пустой. Не видно было даже официанток.

Лиза, кажется, уже потеряла интерес к этой противоестественной тишине, хотя она первая обратила на нее внимание. Но сейчас она снова во все глаза смотрела по сторонам и восторгалась зданием необычной архитектуры.

Дженни, однако, не могла поверить, будто все жители городка действительно засели перед телевизорами, как предположила Лиза. Озадаченная, она, нахмурившись, медленно ехала в гору, вглядываясь по дороге в каждое окно. Но нигде не было видно ни малейших признаков жизни.

Сноуфилд протянулся вдоль идущей снизу вверх главной улицы на шесть кварталов. Дом Дженни находился в центре самого дальнего квартала, с западной стороны Скайлайн-роуд, там, где начинались лыжные подъемники. Это было двухэтажное шале, выстроенное из камня и дерева, с тремя мансардными окнами в той его части, которая смотрела на улицу. Причудливо изломанная, крытая шифером крыша была выкрашена в серый, синий и черный цвета. Дом стоял позади живой изгороди из вечнозеленого кустарника, высотой примерно по грудь взрослого человека, футах¹ в два-

¹ 1 фут (1/2 ярда, 12 дюймов) равен 0,3048 м. — *Здесь и далее примеч. перев.*

дцати от мощеного тротуара. На углу, возле входа, был врыт столбик, на котором висела табличка: «ДЖЕННИФЕР ПЭЙДЖ, доктор медицины» и стояли часы приема.

Дженни припарковала «понтак» на дорожке перед гаражом.

— Отличный домик! — восхитилась Лиза.

Это был первый дом, который смогла приобрести Дженни за всю свою жизнь, и она любила его и гордилась им. Один только вид этого дома пробуждал в ней самые теплые чувства и действовал успокаивающе, и на какое-то время Дженни позабыла о той странной тишине, что, подобно одеялу, опустилась на весь Сноуфилд и накрыла его.

— Ну, он для меня немножечко мал, особенно если учесть, что половину первого этажа занимают мой кабинет и приемная. И принадлежит он в большей мере банку, чем мне. Но у него есть свое лицо.

— А то! — подтвердила Лиза.

Они вышли из машины, и Дженни обнаружила, что с заходом солнца подул холодный ветер. На ней были джинсы и зеленый свитер с длинным рукавом, тем не менее она задрожала. В горах Сьерры осенью теплые, приятные дни всегда сменялись как бы контрастирующими с ними холодными, даже морозными ночами.

Она потянулась, расправляя мышцы, одеревеневшие за время долгой поездки, потом захлопнула дверцу машины. Звук захлопывающейся дверцы эхом отозвался наверху, в горах, и внизу, в городке. И это был единственный звук, раздавшийся в сумеречной тишине.

Дженни постояла минуту-другую возле багажника «понтака», глядя вдоль Скайлайн-роуд в сторону центра Сноуфилда. Все было по-прежнему неподвижно.

— Я бы могла здесь жить вечно, — заявила Лиза, обхватывая себя руками от холода, но радостно вглядываясь в открывшийся ее взгляду городок внизу.

Дженни прислушалась. Эхо, вызванное хлопком дверцы, растаяло, но на смену ему не возник никакой другой звук. Только легкие, в южную сторону, дуновения ветра.

Бывает тишина — и тишина: различные ее разновидности не похожи друг на друга. Скорбная тишина в обитой черным бархатом и устланной толстыми коврами похоронной конторе сильно отличается от мрачной, холодной и жуткой скорбной тишины в спальне вдовы. Дженни казалось очень странным, что царившая в Сноуфилде тишина как будто бы несла на себе отпечаток скорби. Она, однако, не могла понять, чем вызвано у нее такое ощущение да и откуда оно вообще возникло. Она подумала о той тишине, которая бывает теплой летней ночью и которая на самом деле вовсе не тишина, но причудливое сочетание хлопанья крыльев бьющейся о стекло ночной бабочки, стрекота сверчков и чых-то шорохов в траве, потрескиваний на веранде и других с трудом различимых звуков. В безмолвной дремоте Сноуфилда тоже было нечто похожее, она рождала ощущение, что где-то рядом идет лихорадочная деятельность — что-то движется, звучат голоса, кто-то с кем-то борется, — но все это происходит на грани и за гранью человеческого восприятия. Однако было в этом безмолвии и нечто большее. Есть ведь еще и особая тишина зимней ночи — тишина глубокая, холодная и бессердечная, но скрывающая в себе ожидание, что по весне все взорвется звуками пробуждающейся, растущей жизни. В этом безмолвии тоже было скрыто ожидание, и оно-то и вселяло в Дженни чувство тревоги.

Ей захотелось окликнуть: «Кто тут?» Но она не стала этого делать, на ее крик могли выйти соседи, которые сейчас спокойно сидят по домам, и тогда она оказалась бы в глупом положении. А врач, который в понедельник на виду у всех повел себя глупо, во вторник лишился бы практики.

— ...Жить здесь вечно, всегда-всегда, — говорила Лиза, все еще не в состоянии прийти в себя от восторга, вызванного красотой этого горного городка.

- А тебя ничего... не настораживает? — спросила Дженни.
- Что именно?
- Тишина.
- Что ты, мне она нравится! Здесь так спокойно.

Вокруг действительно было спокойно. Ни малейшего признака беды, никаких причин для волнений.

«Тогда отчего же мне так чертовски не по себе?» — подумала Дженни.

Она открыла багажник и достала оттуда вначале один чемодан Лизы, потом другой.

Лиза подхватила второй чемодан и полезла в багажник за сумкой с книгами.

— Не перегружайся, — сказала Дженни. — Все равно придется еще пару раз сходить.

По лужайке они прошли до выложенной камнем дорожки и направились по ней к парадному крыльцу, вокруг которого в янтарно-красных лучах заходящего солнца пролегли уже во все стороны удлиняющиеся тени, чем-то напоминающие расходящиеся лепестки ночного цветка.

Дженни открыла входную дверь и вошла в темную прихожую.

— Хильда, мы приехали!

Никакого ответа.

Единственный свет в доме горел в дальнем конце холла, за открытой дверью, что вела на кухню.

Дженни поставила чемоданы на пол и включила свет в холле.

— Хильда?!

— А кто такая эта Хильда? — спросила Лиза, бросая свой чемодан и сумку с книгами.

— Моя экономка. Она знала, в котором примерно часу мы должны приехать. Я думала, что она уже накрывает на стол.

— Ого, экономка! И она постоянно тут живет?

— У нее квартира над гаражом, — ответила Дженни, кладя сумочку и ключи от машины на небольшой столик под огромным зеркалом в бронзовой раме.

На Лизу эти слова произвели впечатление.

— Ого! А ты что, богатенькая?

— Да нет, — засмеялась Дженни. — На самом-то деле экономка мне не по средствам. Но и без нее я тоже не могу обойтись.

Недоумевающая, почему на кухне горит свет, если Хильды там нет, Дженни направилась туда через холл. Лиза почти вплотную шла за ней следом.

— Мне надо строго выдерживать часы приема, да еще выезжать на срочные вызовы на дом в три других городка в здешних горах. Если бы не Хильда, мне пришлось бы питаться одними бутербродами.

— Она хорошо готовит? — спросила Лиза.

— Великолепно. А десерты так даже слишком хорошо.

Кухня была большая, с высоким потолком. В центре нее была устроена рабочая зона — гриль и рабочие столы, — по периметру которой на полке из сверкающей нержавеющей стали стояли, лежали и висели кастрюли, сковородки, черпаки, большие ложки и всевозможные приспособления. Шкафы были сделаны из темного дуба, верхняя часть столов покрыта керамической плиткой. В дальнем углу кухни стояли двойная мойка, большая плита, микроволновая печь и холодильник.

Войдя в дверь, Дженни сразу же повернула влево, к секретеру, за которым Хильда составляла меню и списки того, что необходимо будет купить. Именно здесь она должна была оставить им записку. Но никакой записки тут не оказалось, и Дженни уже направилась обратно, когда вдруг услышала потрясенное «ах!» Лизы.

Девочка прошла к дальнему углу центральной рабочей зоны и сейчас стояла возле холодильника, уставившись на что-то, что лежало на полу около мойки. Лицо у нее было мертвенно-бледным, ее всю трясло.

Почувствовав вдруг прилив необъяснимого ужаса, Дженни быстро обогнула центральную часть кухни и подошла к сестре.

На полу на спине лежала Хильда Бек. Она была мертва. Ничего не видящими глазами она уставилась в потолок, а между сведенных судорогой губ был зажат кончик языка, сейчас уже обескровленного и обесцветившегося.

Лиза оторвала взгляд от мертвой женщины, перевела его на Дженни, попыталась что-то сказать, но не смогла произнести ни звука.

Дженни схватила сестру под руку и оттащила ее в противоположную часть кухни, откуда труп не был виден. Там она обняла Лизу.

Лиза тоже обняла ее и прижалась к ней. Крепко. Изо всех сил.

— Как ты себя чувствуешь, малышка?

Лиза ничего не ответила. Ее продолжало трясти.

Всего лишь шесть недель назад, в Ньюпорт-Бич, вернувшись как-то в начале вечера из кино домой, Лиза вот так же обнаружила в кухне на полу свою мать, умершую от обширного кровоизлияния в мозг. Для девочки рухнул сразу весь мир. Она никогда не знала отца, скончавшегося, когда ей было всего два года, и поэтому всегда была необычайно близка с матерью. Утрата глубоко потрясла ее, на какое-то время ввергла в депрессию и вытеснила из ее сознания все остальное. Постепенно, однако, Лиза примирилась со смертью матери, научилась снова улыбаться и смеяться. В последние несколько дней она, кажется, вновь стала самой собой. А теперь вот это.

Дженни отвела девочку к секретеру, усадила ее, а сама присела перед ней на корточки. Она вытянула бумажную салфетку из стоявшей на столе упаковки «Клинекса» и промокнула выступивший у сестры на лбу холодный пот. Лиза была не только мертвенно-бледна, но и холодна как лед.

— Что сделать, сестричка?

— Н-н-ничего, сейчас все пройдет, — дрожащим голосом ответила Лиза.

Они взялись за руки. Хватка Лизы была сильной, почти до боли.

Спустя какое-то время она проговорила:

— Мне показалось... Когда я увидела ее здесь... вот так, на полу... мне показалось... смешно, но показалось... будто это мама. — Глаза у Лизы были полны слез, но она не давала себе расплакаться. — Я з-з-знаю, что мама умерла. И эта женщина на нее даже не похожа. Но это было... так неожиданно... так страшно... я так растерялась.

Они продолжали держать друг друга за руки, и постепенно судорожная хватка Лизы ослабевала.

Через некоторое время Дженни спросила ее:

— Тебе лучше?

— Да. Немного.

— Хочешь прилечь?

— Нет. — Она отпустила руку Дженни, чтобы вытащить новую салфетку, вытерла нос и посмотрела в ту сторону, где лежало тело. — Это Хильда?

— Да, — ответила Дженни.

— Как жалко...

Дженни очень любила Хильду Бек и в глубине души была потрясена ее смертью. Но в этот момент больше всего на свете ее волновала Лиза.

— Сестричка, думаю, будет лучше всего, если ты отсюда уйдешь. Посиди пока в моем кабинете, ладно? А я тем временем осмотрю тело. А потом надо будет вызвать шерифа и coronera.

— Я побуду здесь с тобой.

— Будет лучше, если...

— Нет! — воскликнула Лиза, и ее снова затрясло. — Я не хочу быть одна.

— Ну ладно, — успокаивающим тоном сказала Дженни. — Посиди здесь.

— Господи... — со страхом проговорила Лиза. — Как она выглядит... вся раздувшаяся... черно-синяя. А какое у нее выражение на лице. — Лиза вытерла глаза тыльной стороной ладони. — Почему она вся черная и так раздулась?

— Ну, она явно умерла уже несколько дней назад, — ответила Дженни. — Но знаешь что, тебе сейчас лучше не думать о таких вещах...

— Если она умерла уже несколько дней назад, — дрожащим голосом спросила Лиза, — то почему же здесь не воняет? Тут ведь должно вонять.

Дженни нахмурилась. Конечно, здесь должно было вонять, если Хильда Бек умерла так давно, что тело ее успело уже потемнеть и раздуться. Здесь обязательно должно было вонять. Но никакого запаха не было.

— Дженни, что с ней произошло?

— Я еще не знаю.

- Я боюсь.
- Не бойся. Сейчас уже нечего бояться.
- Какое у нее выражение на лице, — проговорила Ли-за. — Просто ужасное.
- Как бы она ни умерла, это должна была быть быстрая смерть. Непохоже, чтобы она мучилась или с кем-то боролась. И ей, судя по всему, было не очень больно.
- Но... впечатление такое, словно в момент смерти она кричала.

Глава 3

МЕРТВАЯ ЖЕНЩИНА

Дженни Пэйдж никогда не видела труп, хотя бы отдаленно похожий на тот, что лежал сейчас перед ее глазами. Ни учеба в колледже, ни ее собственная врачебная практика не подготовили ее к встрече с таким феноменом, какой представляло собой тело Хильды Бек. Дженни опустилась рядом с трупом на корточки и принялась рассматривать его, испытывая одновременно грусть, отвращение и любопытство. И чем дольше она изучала его, тем сильнее становилось ее любопытство и тем быстрее росло изумление.

Лицо мертвой женщины раздулось; круглое, гладкое, даже как будто блестящее, оно напоминало сейчас карикатуру на то, какой была Хильда Бек при жизни. Тело тоже вздулось, туго натянув в некоторых местах швы серо-желтого домашнего платья, в котором она обычно хлопотала по хозяйству. Там, где были видны отдельные участки тела — на шее, на кистях и предплечьях, на икрах ног и коленях, — ткани казались мягкими и внешне естественными для пролежавшего несколько дней трупа. Складывалось впечатление, что это вздутие не было следствием обычного при начинающемся распаде обильного выделения газов. Во-первых, живот должен был быть уже наполнен газом и раздут гораздо сильнее, чем остальные части тела; он, однако, вздулся очень

умеренно. А кроме того, отсутствовал характерный трупный запах.

При более близком и внимательном осмотре складывалось также впечатление, что и кожа — темная, покрытая крапинками — стала такой не в результате распада тканей. Дженни не могла обнаружить никаких явных, зримых признаков начавшегося разложения: не было ни повреждений, ни волдырей, ни вскрывшихся гнойников. Признаки физического распада и разложения обычно быстрее всего проявляются на глазах трупа, потому что они состоят из относительно мягких тканей. Но широко раскрытые, смотрящие вверх глаза Хильды Бек были в безупречном состоянии: белки совершенно чистые, не пожелтевшие и не обесцвеченные из-за разрыва кровеносных сосудов, радужка, тоже абсолютно ясная, сохраняла мягкий голубой цвет, на ней не было даже обычной посмертной мутной пленки.

При жизни глаза Хильды всегда лучились добротой и жизнелюбием. Это была седая шестидесятидвухлетняя женщина с очень милым и приятным лицом, всем своим обликом и манерами напоминавшая добрую бабушку. Говорила она с легким немецким акцентом, голос у нее был удивительно мягкий и певучий. Прибираясь в доме или готовя что-нибудь на кухне, она часто напевала; и она умела находить радость и удовольствие в самых простых вещах.

Дженни почувствовала вдруг острый приступ горя и скорби и поняла, как будет ей не хватать Хильды. Она закрыла глаза и посидела так некоторое время, не в силах смотреть на труп. Потом взяла себя в руки, подавила уже готовые было пролиться слезы. Наконец, восстановив в себе способность к профессиональной отстраненности, она открыла глаза и продолжила осмотр.

Чем дольше смотрела она на тело, тем больше складывалось у нее впечатление, будто вся кожа трупа покрыта синяками и кровоподтеками. Об этом свидетельствовал цвет кожи: местами она была черная, местами синяя или темно-желтая, причем цвета эти переходили один в другой. Но и та-

ких ушибов Дженни тоже не доводилось видеть. Насколько она могла судить, ушиблено было все тело; не оставалось ни одного участка кожи, на котором не было бы синяков. Дженни осторожно взялась за рукав платья и подняла его вдоль вздувшейся руки настолько, насколько это удалось. Но и под руками поверхность кожи была точно такой же, и Дженни стала подозревать, что, видимо, все тело представляло собой один невообразимый синяк.

Она еще раз посмотрела на лицо миссис Бек. И здесь тоже вся поверхность кожи была в кровоподтеках. Бывает, жертвы серьезных автомобильных катастроф получают такие повреждения, в результате которых у них тоже почти все лицо оказывается сплошным кровоподтеком; но это всегда сопровождается более тяжелыми травмами — переломами носа, челюсти, разрывом губ... Как же получилось, что при столь страшных синяках у миссис Бек нет никаких других, более серьезных ранений?

— Дженни? — окликнула ее Лиза. — Почему ты так долго?

— Я уже скоро. Посиди пока там.

Тогда... возможно, ушибы, покрывающие тело миссис Бек, не были результатом каких-то внешних ударов? Могло ли получиться так, что этот страшный цвет кожи был вызван не ушибами, а давлением внутри тела, отеком подкожных тканей? В конце концов, такой отек очевиден. Однако, чтобы вызвать подобные синяки, он должен был произойти мгновенно и с огромной силой. Но черт возьми, это же невозможно! Живая ткань не может вспухнуть с такой скоростью. Конечно, при некоторых аллергиях бывает быстрый отек, это их симптом; самый тяжелый отек такого рода бывает при сильной аллергической реакции на пенициллин. Дженни не знала ничего, что могло бы вызвать столь внезапный и мощный отек тканей, результатом которого стало бы превращение всего тела в один огромный, ужасающий синяк.

И даже если тот отек, который она видела, не был обычным, простым, классическим посмертным вздутием — а Дженни была уверена, что он им не был, — и если он был причи-

ной синяков и кровоподтеков, то что же, о господи, могло послужить причиной самого этого отека? Аллергическую реакцию Дженни исключала.

Если причиной был яд, то наверняка какой-то очень экзотический. Но каким образом столь необычный яд мог попасть к Хильде? Врагов у нее не было. Сама мысль о том, что кто-то захочет ее убить, казалась абсурдом. И если ребенок еще мог бы потащить что-то незнакомое в рот, чтобы попробовать его на вкус, то Хильда подобной глупости наверняка бы не сделала. Нет, это был не яд.

Болезнь?

Но если это действительно была болезнь, бактериальная или вирусная, то она была совершенно не похожа на все то, чему учили Дженни. А что, если она окажется заразной?

— Дженни! — позвала Лиза.

Болезнь.

Испытывая чувство облегчения оттого, что она не прикасалась непосредственно к телу, и запоздало сожалея о том, что все-таки дотронулась до рукава платья, Дженни тяжело поднялась, покачнувшись на слегка затекших ногах и, сохраняя равновесие, отступила на шаг от трупa.

По всему ее телу пробежали холодные мурашки.

Только сейчас она обратила внимание на то, что лежало на разделочной доске рядом с мойкой. Там были четыре крупные картофелины, кочан капусты, несколько морковок, нож для очистки овощей и длинный нож для резки. В тот момент, когда ее настигла смерть, Хильда была занята готовкой. Все произошло внезапно. Бах! — и конец. Совершенно очевидно, что она не была больна и вообще не предчувствовала ничего подобного. Ежу ясно, что болезнь не могла быть причиной столь внезапной смерти.

Какая болезнь приводит к смерти без того, чтобы предварительно пройти через стадии заражения, плохого самочувствия, постепенного упадка сил и физического увядания? Никакая. Ни одна из тех, что известны современной медицине.

Кунц Д.

К 91 **Фантомы** : роман / Дин Кунц ; пер. с англ. Н. Косолапова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 544 с. — (The Big Book. Дин Кунц).

ISBN 978-5-389-15918-1

Приятно возвращаться в дороге с детства места после долгих лет, проведенных вдали от дома. У Дженнифер Пэйдж радостно билось сердце, когда она вместе с Лизой, своей четырнадцатилетней сестрой, въезжала в родной Сноуфилд, маленький городок в горах, тихий, безмятежный, спокойный. Он и правда встретил их тишиной, но это была мертвая тишина — жители городка исчезли. А те немногие, кого они обнаружили, были безжалостно убиты. Кто уничтожил Сноуфилд? Какая страшная сила? Можно ли ей противостоять? И если да, то какими жертвами достанется победа над ней?

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ДИН КУНЦ
ФАНТОМЫ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректор Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 18.12.2018. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 34. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

